

Эха собрались в глубокой замкнутой со всех сторон котловине. Митинг протекал в образцовом порядке, так как эха присутствовавшие вторили любому из ораторов. Поэтому не возникало никаких трений, конфликтов и разноречий, затагивающих обычно собрания.

Первым взяло слово старое эхо из ущелья Семи Склонов.

-- Моя память, -- начало оно, -- за время долгой работы по переноске звуков накопила немало обид. Надеюсь, что эхо собрания эх дойдёт до самых отдалённых отражающих плоскостей земли. Людям пора задуматься над чрезвычайно несправедливым распределением работы между ними, людьми, и нами, их звуконосцами. Вот, например, я: стоит какому-нибудь мальчишке закричать своё дурацкое "еге-ге", и я, несмотря на свои годы, принужден подхватить крик, бежать с ним сначала к одному скату долины Семи Склонов, оттуда, повернувшись под углом отражения, мчаться к другому склону, ну и так до семи раз. И это при моей одышке. Ведь мальчишка крикнул один раз, а я должно шлаться с его криком семь раз. Вот уж подлинно: до седьмого пота. Где же тут справедливость, спрашиваю я вас?

-- Спрашиваю я вас... -- повторили все эха как одно.

Следующий оратор зачеканил гулко бьющим о стены котлована голосом:

-- Старик прав. Положение нашей эховой братии не ахти какое. И что ни день, нам всё круче и круче: от взрыва круч. Я ещё согласно метаться как угорелое с каким-нибудь там "еге-ге", нагнуться к звуку оброненного камня, взвалить на себя крик выючного осла или выстрел охотника. Но таскать на спине грохот взорванной скалы, буханье подрываемых базальтов и апатитов -- нет, слуга покорный. Ведь от этих динамитных штучек иной раз как шарахнет тебя о каменную свесь, да другим боком о другую, весь потом в синцах и ушибах щеголяешь. Требую себе инвалидную категорию. Довольно. Наехалось. Хватит.

Третье эхо начало с лёгким дуновением вздохом.

-- Эх, прошли времена эх.

-- Аховые годы, -- пробежало от стен к стенам.

Отждав, когда переक्лики утихнут, речь третьего продолжалась:

-- Вы жалуетесь на тяжесть ноши. Но самое несносное -- это не носить ничего. Жить пусторуким эхо. Ведь вы забываете, что для нас, народа эх, труд и плата одно и то же. У людей, конечно, не так. Когда у человека пусто в желудке, то он урчит. Но если во мне, в эхе, ни единого звука, я пуст. О, с каким аппетитом я проглотило бы сейчас грохот рушащегося небоскрёба. Или крик сирены тонущего корабля. Я понесло бы его бережно -- от стены к стене -- как мать вздувающий её плод. Но увы. Вместо того чтобы... впрочем, всё по порядку. Принято думать, что горцы бедны, а горное эхо богато. Правда, из этого не делали ещё практического вывода: все подати возложить на горное эхо, освободив от них горцев. Да это было бы и несправедливо. Я вот, например, живу над высокой тропой, ныряющей под снег ледника. Редкий звук забредает ко мне на привершинный склон. Приходится долго блуждать в поисках хотя бы слабых шумов. Так, кое-какие крохи звука. Плеск размёрзшихся к полудню струек, сонный камень, перевернувшийся с грани на грань под ударом ветра. Собственно работодателем и кормильцем была тропа.

Нет-нет да забредут на неё шаги копыт или подошв, ругань погонщика, жалующегося на крутизну подъёма и удар палки об ослиный бок. Иногда удавалось полакомиться звуком падения сорвавшегося в пропасть выюка. А один раз... о, это был необычайный день. Началось с грохота туч: немного гулкого, но, в общем, приятного на вкус. Затем разразилась необыкновенная буря. Горы тряслись, как в лихорадке. Я еле успевало подхватывать рёв падающих потоков и россыпи стуков от прыгающих друг на друга камней. Вдруг где-то, совсем вблизи раздался мощный и долгий раскат; казалось, будто кто-то ссыпал всю гору в гигантский мешок и утряхивал её в нём, пытаясь нагромоздить её к себе на плечи. Затем всё прекратилось. Внизу, под тучами... впрочем, тучи уже уползли, и из долин подымался пар и последние дозвуки прошедшей мимо грозы.

Меня, конечно, очень интересовало, откуда эта гигантская груда звуков. Но я было слишком переполнено звучаниями, моя воздушная оболочка раздулась и утонула, распираемая заглотанной симфонией грозы. Вам иногда, дорогие эха, вероятно, приходилось видеть змею, которая, втянув в себя добычу, потом лежит, свернувшись в кольцо и выпятив вспузырившийся кверху живот. Я чувствовало, что сонливость охватывает меня совершенно неодолимо. "Пусть